

Э тот парень, назовем его Э., не москвич, пришел в гости к своей сокурснице. Она-то, наоборот, как раз являлась коренной жительницей нашей древней столицы.

Молодого человека и девушку не связывали отношения любовного типа. И не потому, что девушка была замужем за отличным парнем, спортсменом, все время находившимся в отъезде. За те несколько раз, когда Э. удалось видеть этого мужа, они друг другу взаимно понравились. И не потому, что у самого Э. дома была невеста с ребенком, фактически жена. Хотя они еще не фиксировали брак в соответствующих организациях, ведающих записями актов гражданского состояния.

Э. был молод, хорош собой, талантлив и собирался стать композитором. Собственно, он им уже был, как считали ключевые люди этой и смежных профессий. Дело оставалось только за так называемой раскруткой, оформлением статуса, кое-какими деталями чисто практического характера.

Его собственным идеалом был свободный артистизм. Выпить с утра кружку чаю с черным хлебом и садиться за инстру-

мент. Мысленно представляя, что живешь на Монпарнасе в сообществе таких же гениев, на пороге всемирной славы.

Работал Э. помногу. Он, как бы это сказать, немножко брезговал материальным. Немыслимо было ждать, что он может заговорить о любимой еде или целенаправленно пойти покупать ботинки. Хотя деньги на еду/ботинки у него были, нелюбовь к практической стороне жизни объяснялась не бедностью.

Иногда у него оставалось время от работы и учебы. Тогда он шел пешком из консерваторского общежития на Грузинах к этой своей сокурснице на Бутырский хутор. Иногда даже без предупреждения.

Человек, знающий Москву, может заинтересоваться: как же это он добирался в такую даль? Да так и добирался. Сначала тихими и пыльными Грузинами, минуя знаменитый рынок (раньше его непременно хотелось назвать «колхозным», а теперь наоборот) и памятник русско-грузинской дружбе в виде столба, облепленного литерами русского и грузинского алфавита. Потом переходил нервически оживленную Тверскую, застроенную помпезными «сталинками» и полную магазинов столь дорогих, что напоминали они скорее музеи. Здешние мостовые, однако, были забыты людьми, одетыми точь-в-точь как манекены помянутых магазинов. Потом промахивал те еще нарядные и душные, но уже тихие кварталы, где огромные, выразительно безобразные, доходные дома прошлого века соседствуют с нейтральными строениями светлого кирпича, предназначенными для современной знати. Затем, оставляя по левую руку скрытую в глубине квартала Бутырскую тюрьму, он проходил Лесную. Справа начинались старые, буколически одноэтажные строения депо.

Он сворачивал еще раз и дальше держал путь улицей Новослободская. Оставлял за собой институт Станкин: узкий, темного красного кирпича купеческий модерн, прямо в него встроена бетонная этажерка. Следовал мимо видневшегося слева комбината «Правда», задуманного с оглядкой на конструктивизм, мимо Савеловского вокзала — нарядного, двухцветного, с белыми пилястрами и массивными часами, сохранившего провинциальную привычку жаться в уголок.

После пересечения с Рижской железной дорогой часть троллейбусов заворачивала на север, на широченное и гладкое Дмитровское шоссе. А он забирал правее, и вместе с троллейбусами номер три и двадцать девять попадал на относительно менее удушливую улицу Руставели. Останкинская игла теперь торчала совсем рядом, не уколоться бы.

Э. пересекал двор единственного на всю местность «сталинского» здания и попадал в замкнутое пространство между унылыми пятиэтажными строениями, зародышевые балконы которых всегда были унижены бельем и уставлены детскими санками. Поднимался пешком на четвертый этаж и звонил у хорошо известной ему двери: высокий, очень худой, бледный от вечного недосуга поест, с сияющими черными глазами и мягкой улыбкой красавец.

Сокурсница никогда не удивлялась визитам Э. Романа у них, как уже сказано, не было. Ждать она его ждала. Поэтому юный служитель муз с чистой совестью прикладывался к хозяйкиному дивану и рассказывал о том, что полагал на данный момент важным. Обычно о музыке, понятно, но в разных поворотах темы. Также они часто гуляли. Изредка появлявшийся муж сильно мешал такому времяпрепровождению, и они без обсуждений, молча ждали, когда его, наконец, вызовут на очередные сборы или что там еще бывает в большом спорте.

При ней Э. мог даже работать.

Потом он, улыбаясь, уходил, она, улыбаясь, запирала за ним дверь и продолжала занятия, прерванные его приходом.

Забегая вперед, точно так же они расстанутся навсегда, когда окончится срок их учебы. А впрочем, о каком навсегда может идти речь, если люди живы и даже еще молоды. А впрочем, это не имеет ни малейшего отношения к тому случаю, о котором, собственно, речь.

Словом, однажды они пошли в кино. На улицу, названную по старинному аристократическому русскому роду и относящуюся к числу наиболее длинных, наиболее гадких и безвидных московских улиц. Бетонные дома километрами, да грохот близлежащей железной дороги, да силуэты не то градирен, не то элеваторов в глубине. Хотя по московским меркам почти центр. Летом вдобавок чудовищно пыльно.

А было как раз лето. Когда они вышли из кинозала, город только-только начинал примерять прозрачные серые сумерки.

Это обстоятельство спровоцировало молодых людей идти до дома девушки пешком, напрямик через жилые кварталы. Сказать, что они отважно пустились в путь? Звучит достаточно комично, ведь путь-то лежал через срединный район огромного города.

Удивляло лишь немногочисленные дворы, которые они пересекали, но оно вскоре объяснилось: перед ними выросла глухая бетонная стена, как бы торец гигантского сарая. Следуя намеченному курсу, обойти его труда не составляло. За первым сараем то ли складом, однако, последовал второй примерно такой же, а за ним — третий. Сарай, сарай, сарай, еще один. Идя неуклонно вперед, вскоре они обнаружили, что попали в лабиринт совершенно одинаковых серых стен. За поворотом очередной началась следующая. Спутница Э., девушка невысокая и хрупкая, любившая к тому же обувь на высоком каблучке (что понятно при ее росте), стала уже выдыхаться и сбавлять темп. А выход все не появлялся.

Поводов для беспокойства вроде бы нет: абсолютная тишина, полное безлюдье. Почти центр, напомним, Москвы. Теоретически ясно, что странные сооружения когда-нибудь да закончатся. Но практически конца нет и не видно: угол, поворот, стена, опять угол, опять поворот, разве что стена иногда не глухая, а с огромными воротами. И бесконечный этот тупик заливаает и заливаает все более густыми сумерками.

В какой-то момент Э. осознал, что они уже довольно долго идут в абсолютном молчании, поэтому, откашлявшись, с трудом сплел остроту, а девушка благодарно засмеялась. В ту же секунду огромные ворота, которые они только что миновали, бесшумно открылись. Через плечо они увидели огромный двор, на все расстояние взгляда заполненный людьми в солдатских формах.

Ни с одной стороны никто не издал ни звука. Согласитесь, странно, когда такое множество людей совершенно не нарушает тишину. Но ничего, кроме неестественной тишины, блуждатели не слышали во весь свой путь, постепенно окрашиваемый сумерками в темный и черный.

И еще стена, поворот. И еще стена. Еще через пять-шесть зигзагов склады, наконец, прекратились. Это произошло далеко не так быстро, как хотелось нашим путникам, но время в странном лабиринте не текло, а стояло. Однако внезапно оно вновь обрело текучесть, и стало не нужно прислушиваться, слышен ли сзади топот солдатских сапог.

Напрасно Э. ловил, ужасаясь, звучание темы рока — неслышимый барабан и неслышимая флейта исполнили всего лишь набросок обычного

марша. Впереди лжало полотно железной дороги, за ним виднелась четкая на фоне низкого красного заката ограда из колючей проволоки. «За проволоку не выйти», — отметил Э. почти равнодушно. А над ломаной проволочной линией, на живом багрянце зари горели мертвенным лунным неоном огромные неуместные слова «Молодая гвардия».

Как неудобно ходить по шпалам, знает всякий. Нашим героям к тому же пришлось пробраться по мостику, не имевшему пешеходной части. Но проскочили и этот виток. То есть везло невероятно.

Из низины полотно вынырнуло на насыпь, и с высоты они увидели слева уже в темноте огромный плац, полный солдат. «Лечь-встать! Лечь-встать! Лечь-встать!» — командовал громкий резкий голос. Без флейты, даже без барабанной дроби — голый речитатив, почти оперный прием.

Все это Э. и его спутнице было уже не страшно. В небе показалась огромная луна, запел совершенно дикий в подобном месте соловей, и они увидели совсем рядом впереди силуэт того большого административного здания, которое обозначает развилку Дмитровского шоссе и родной им улицы Руставели.

Девушка тотчас же хлопнулась на землю и сняла с ноги туфель. Кожа на каблуках была свезена напрочь и висела лохмотьями. Соловей продолжал петь — что ему-то? Э. снял свою куртку и заставил девушку пересест на образовавшуюся подстилку. Сел рядом. Соловей все пел. Девушка повернулась к своему спутнику. Всем известны штучки, которые способен проделать с женским лицом лунный свет.

Смеясь и одновременно истерически рыдая, сокурница поведала Э. обо всем, что думала и чувствовала во время совместного пути.

Губы у нее сначала оказались солеными, потом стали сладкими. Осуществившись, прикосновение к ее телу оказалось узнаваемым, почти бесстрастным. Яснее всего фиксировались незначительные детали, вдруг ставшие огромными: запах креозота от шпал, ее глазницы и ноздри, в резком лунном свете, выбелившем лицо, будто залитые тушью. Неясное тепло ее легко смещавшейся руки.

Сначала она ему помогала, потом перестала и тихо сказала:

— Пойдем домой.

Он помотал головой, будто одновременно приходя в себя и не соглашаясь.

— Пойдем домой, слышишь? — повторила сокурница, и он понял, что пойдет.

У подъезда он попросил позволения войти, чтобы взять сигарету — они оба изредка курили. Она сказала, что сигарету вынесет, и вынесла. Зачем-то освободилась от его рук и ушла.

Тогда Э. вышел все на ту же улицу Руставели и поймал такси. На Садовом было светло и шло довольно много машин. Чекушку он, не заходя к себе, выпил почти полностью во дворе напротив костела Непорочного зачатия Пресвятой девы Марии. Глядя на огромный темный силуэт храма, Э. вслушивался в свои ощущения после принятия водки натошак и воспроизводил мотив из «Лебединого озера». Тот, наиболее лунный — сотни раз слышанную, заезженную, всегда холодящую восторгом музыку. Просто обозначал голосом очередную тему, внутри же она возникала во всей полноте оркестрового исполнения, взрываясь скрипичной кодой.

Тоска любви. Бесплезность юности. Случайность жизни.

В своей комнате хмельной Э. застал смешанную компанию молодых дарований. Это его сосед, будущий режиссер театра Миша Мокеев навел приятелей и приятельниц из Литературного института. Похоже, они взяли разгон на каком-то просмотре и вот не могли остановиться.

Как известно, скучнее литературских посиделок только актерские (если это импровизация, а не капустник). Тут же совокупно находились и литераторы, и актеры. То есть осуществлялась скука и бестолковщина в квадрате. Присутствующие развлекались тем, что несли разнообразную чушь, разумеется, об искусстве. В частности, Мокеев сцепился с миловидной, коротко стриженной девушкой в черном джинсовом костюмчике, доказывая, что никогда — никогда! — не может быть равенства между мужчиной и женщиной. И особенно резко это проявляется именно в творчестве.

Хорошенькая девица пыталась аргументировать феминистские убеждения столь слабо и просто даже безграмотно, что хотелось рукой махнуть и предложить ей лучше выпить. Или, что ли, поцеловаться для начала. Заочница, что ли? Тут в спор вступила другая, тоже с виду приятная.

— Ты так говоришь, Миша, будто кроме художественной одаренности, ничего другого уж и в счет принимать не стоит. Но ведь есть еще область нравственного. И докажи мне, что она менее важна!

— Православные закидоны... — защищался Мокеев.

— И вообще ваше художественное творчество ни для чего не нужно, — неожиданно ввязалась в разговор еще одна барышня (ее внешность тоже пришлась Э. решительно по сердцу в этот час). — Критическое количество шедевров уже создано. Книжки, картины и музю свыше определенного количества все равно нельзя ни полюбить, ни даже осмыслить. Не загружается такое количество в личный майнд. Зачем читать, ну я не знаю, Франзена, если уже прочитал до него библиотеку шедевров. Понятно, да? Тогда как жизнь в Москве присутствует везде, и притом в формах самой жизни. Вы, родные, шизанулись на своем творчестве, из которого неизвестно что выйдет. И будет ли на него спрос. А ситуация-то постмодернистская, Вертер-то, грубо говоря, уже написан, вооот!

Еще что-то плел Мокеев. Еще галдели пьяные гости, но бедный Э. дотащился до койки и прилег. Через некоторое время на краешек постели к нему присела мальчишкообразная девица.

— Миша правду говорил, ты музыку пишешь?

Э., не имевший сил говорить, кивнул.

— Вот бы послушать! — Ее рука мягко легла на его плечо. — Правда, очень хочется. Честное слово, сыграешь? Я люблю музыку: Меладзе, группа Танича!

Э. кивнул вторично. Он хотел лишь спать, но понимал, что не дадут. Разбудил его бодрый Мокеев. Он, оказалось, с утра уже сгонял в Кремль, к Ленину, и хочет завтракать.

— Я ведь, представляешь, ни разу там не был. А идти надо вдоль кремлевской стены. Ну, думаю, что ж, посмотрю на могилки пламенных революционеров. А там, в стене этой, лежит та-акое говно! Я просто и фамилий их никого не знаю. Какие-то члены горкома чего-то, погибли от взрыва году в девятнадцатом, что ли. Такое вот постигло разочарование, — повествовал Миша, параллельно рассказу делая и тут же съедая бутерброды.

— Нет, но Ленин-то?

— Ленин-то на месте. Лежит, собака, как царевна в хрустальном гробу.

На самом деле Макеев не разочарован. Посещение оставило в нем взвесь мутных, но довольно ярких чувств. Хотя в Мавзолей по своей воле сроду бы не пошел. Дело в том, что вчера, утомясь болтовней, еще играли в карты.

Очередь к Ленину шла ажик от решетки Александровского сада, Мокеев от скуки ее разглядывал, примечательных лиц не увидел и переключился на созерцание кремлевской стены. Вот, думал Мокеев, если заходит речь о мрачном, таинственно-зловещем, демоническом городе, то для русского сознания это, видите ли, непременно Петербург. Город на костях, которому быть пусто и так далее. Между тем одна его знакомая, проживающая в известном доме с грифонами у Чистых прудов, рассказывала, что грузовик, пытавшийся въехать в их двор, провалился. Потому что весь Сретенский холм изрыт подземными ходами, ведущими к Лубянке, к комплексу известного ведомства.

А это у вас что виднеется — не Лобное ли место? Головы стрельцам не на этом ли месте рубил самолично царь-батюшка Петр Алексеевич? Наконец, и собственно Мавзолей с плохо сохранившейся мумией человека, на совести которого миллионы смертей — что сказать о нем?

При приближении к культовому сооружению вокруг стала шустрить мелочь из службы охраны: равняла, покрикивала, попихивала. Потом втянулись внутрь. Шли долго и не по прямой. Очередь двигалась мелкими шажками, обслуга снова задавала темп движению, поторапливала. Когда показался... как назвать — гроб? саркофаг? — народ стал норовить затормозить до полной остановки, взглядеться, но сторонние люди не давали, нудили вон.

Все лица повернуты к покойнику, к высушенному телу в приличном костюме. Он в странном положении — ноги выше головы. Очень маленький. Видно лицо — ссохшееся, крошечное, цвета глины. Персть. И рука сухая торчит из рукава пиджака. И в тишине целая толпа народа, пятясь, обходит покойническое сооружение по периметру.

Нет, если уж ты покойник, думает Мокеев, при этом тоже будучи вынужденным пятиться, если ты покойник, то лежи на два метра под землей и не выпендривайся. Персть — в персть и возвращайся. Путем всея земли, под буханье похоронной музыки (оркестранты набухались все до одного), по дорожке, усыпанной хвоей — в сухой крупный песочек. Или, если не повезет, в сырую вязкую глину. Глина даже на вид тяжелая, это сколько же веса навалится ей на грудь, на тонкие ребра...

Солнце еще не в зените, а жарко уже, оркестранты замолчали и передыхают в сторонке. Пахнет муравьями, горячими сосновыми иглами, поодаль лежат веревки, на которых гроб будет спускать туда. И сестра все целует, целует ее окостенелый лоб, милосердный бумажный венчик. Он же — не целует. Он даже в воспоминаниях, задним числом, не хочет этого сделать. И не вспоминает о ее смерти ни с кем никогда.

Он человек впечатлительный и, когда выходит из ленинского подвала, кажется ему, что кремлевская стена отбрасывает две тени. Обе, разумеется, зубчатые, но одна потемнее.

Развели, блин, инфернальность в самом центре!

Стремясь стряхнуть с себя эту примитивную мистику, Мокеев хотел даже в первую минуту для контраста отправиться на Воробьевы горы —

посмотреть на Москву с высоты птичьего полета. Он любит открывающийся оттуда вид с чашей стадиона, с картинным, прянично русским Новодевичьим на первом плане, с силуэтами высоток, прокалывающими голубеющий воздушный задник.

Но пуще всего, как ни странно, захотелось пожрать. С этой целью Мокеевым и был разбужен Э. Творческой фантазии Михаила хватило на хлеб, колбасу, банку лечо и пиво «Хамовники бир».

* * *

Тем временем девушка в черной джинсе, Галя, наконец, добралась домой и обнаружила, что ни в одном ведре нет воды. А идти за ней не хочется. Хочется топнуть ногой и агрессивно спросить, чего это самую тяжелую работу по хозяйству должна делать она. Только спросить некого.

В той компании вместе с ней прожигали жизнь два приятеля-литератора, П.Р. и С.Т. (интересно, задумывались ли они, что их инициалы, будучи составлены вместе, образуют целостный фрагмент русского алфавита?).

П.Р., несмотря на относительную молодость (ему слегка за тридцать), уже издал книгу «Одиночество в большом городе». Поутру оказалось, что до Серебряного бора им по дороге. Они едут в троллейбусе по Хорошевскому шоссе. Девушка устала и спешит сесть, при этом неловко толкает мужчину, вставшего с сиденья, на которое нацелилась. Мужчина реагирует нелюбезно, чтоб не сказать раздраженно. Он не выпался, тому предшествовала цепь причин. Это будущий муж этой самой Галины, однако в данную минуту он очень удивился бы предположению, что вообще захочет на ком-то жениться. Жениться еще раз — безумие. Очевидное клиническое безумие!

П.Р. рослый, спортивный, похож не то на викинга, не то на рязанского мужичка: яркие серые глаза в умных ресницах, волосы светлой соломы. Галя находит его красивым и даже сексуальным, хотя тот, хмельной композитор, нравился ей больше: в нем было... впрочем, она не знает, что именно в нем было.

Галя родилась в местности, по старой памяти называемой Троице-Лыково — через реку от Серебряного бора, бывшая деревня, ныне поглощенная столицей. Всю жизнь обитала в ветхом частном доме. Теперь их семье дали квартиру в новостройке, и родители переехали туда. Старенький дом все никак не снесут.

Галя осталась в нем временно, чтобы добиться прочности отношений со своим парнем, Толиком. Хотя нормальной, именно что семейной жизни не получается. Толик упорно продолжает считать себя свободным холостым человеком.

Поэтому вчера Галя впервые в жизни решила своему бой-френду изменить. Она не станет об этом рассказывать, просто придет утром такая — вся томно усталая... Будет молчать, нежно улыбаться воспоминаниям, виновато приготовит завтрак. Нормальному мужику — а Толик нормальный! — больше не потребуется. Дальше все просто: он испугается ее потерять. Но расчеты не оправдались, потому что хорошенький консерваторский мальчик сошел с дистанции.

Девушка впервые была в компании, которую можно назвать богемной, и ощущает, что эти люди ее разочаровали. Они скучные и какие-то... не вштыривают, короче. Базарят много, но неинтересно. Она ждала от них

другого: чтоб было смешно, отвязно, может, прикольно. Даже в карты и то играли на какую-то дурь: сходить в Мавзолей.

А этого светлого парня, во-вторых, ей просто некуда девать. Если б остались в общежитии — другое дело. А дома Толик.

Галя добирается до своей избушки и с досадой обнаруживает, что Толика-то как раз нет. Она лежит с открытыми глазами и, закинув руки, разглядывает низкий потолок и старые, необычайно грязные обои. Нежно улыбается воспоминаниям. Потом, подумав, прихватывает ведро и выходит на улицу. Летний день уже вовсю: и солнце сияет, и ветер с реки накатывает влажный. Саму реку заслоняют деревья и церкви. Галя выросла возле этой церкви, но названия не знает. Вроде бы Троицы. Пока не отремонтировали, много лет стояла заколоченная, но местные все равно знали выход на колокольню. Делов-то. Лезть только круто.

Когда еще жила здесь с родителями, вышла раз к Толику в теплые летние сумерки. Была в новых бархатных джинсах клевейшего лилового цвета и сама себе очень нравилась. Чувствовала, что выглядит обалденно. Они тогда только познакомились. И все время стоял вопрос: где?

С того вечера это колокольное место служило им до самого переезда родителей, до осенних холодов. Но чего бы туда лезть сейчас? Карабкаясь по крутым, узким, спиралью заверченным ступенькам, Галя, чтоб было легче, начинает их считать.

Ступени каменные, старые, в середине у каждой небольшая впадинка. Эти впадинки проточили ноги тех, кто взбирался на колокольню до нее.

Сверху кажется, что река подходит почти к самой стене. Маленький рыбак удит рыбу, и Галя немного щурится, чтоб рассмотреть: кто такой? Похоже, не лыковский, чужой, потому что рядом с ним зеленой букашкой притулился маленький автомобильчик, неведомо как забравшийся на кочку. Впереди кто-то плывет размашистым неправильным кролем. Сама Галя плавает отлично: выросла-то на воде.

Небо синее-синее, прямо-таки синяя гуща, вода тоже синяя. Но нижний синий, водяной — цветом немного не похож на синий небесный. Может, потому, что ветер мнет упругое полотно воды, штрихует его мелкой рябью.

За рекой — опять Москва. Если приглядеться, можно угадать отдельные большие здания: несмотря на страшную даль, видно хорошо. Университет, высотка на площади Восстания...

Немного виден и пляж Серебряного бора. Галя его не очень любит. Конечно, там всегда труба народу, можно познакомиться с хорошими ребятами и все такое. А здешние, лыковские, частенько вполпьяна начинают чудить: то топят, то еще какую-нибудь дурь выдумают. Но все же здесь как-то по-свойски, дома. Жаль, что переезжать придется. Особенно, если выйти замуж и родить.

* * *

П.Р., простившись перед ее остановкой, о Гале мгновенно забывает. Женщины, как троллейбус: пропустишь один, следующий подъедет достаточно быстро. Он меняет маршрут, выходит на станции метро «Лубянка». В сложном подземном переходе делает ошибку, непростительную для коренного москвича: выходит к «Детскому миру», а надо к аптеке Ферейна.

Возвращается. Мимходом, в который раз успевая подумать, что место странно пустое для центра Москва. Вокруг плотнейшая застройка, а тут гуляет площадка, которой хватило бы для целого здания. На самом деле здание здесь было — огромный храм, хорошо известный православной общественности по проповедям, которые некогда читал известный богослов, позже, разумеется, репрессированный.

П.Р. не в курсе, просто физически ощущает некое зияние в ткани города, примерно так ощущается привычное душло в собственном зубе. От самославия он далек. Хотя время от времени пытается метафизически самоопределиться: в частности, не сомневается во вторичности материи. Исходя из чего, первичен, стало быть, дух.

Однако генерал предлагает ему оплату ежемесячно в размере трех штук. Тысяч, естественно, долларов. Это весьма приличные деньги, если говорить о жалованье, о фиксированной ставке. Могут быть и дополнительные выплаты типа премий.

Но работа собачья. Генералу требуются спичрайтеры для грядущей избирательной кампании. Интересно, у него-то самого откуда столько бабок, что хватает на электоральные понты? Генерал — красивый мужик. Убедительный.

П.Р. идет по Никольской. Узкая улица, очень старая. Древняя. Лев приветственно протягивает лапы навстречу изысканному единорогу на стене государева Печатного двора. Народу тьма. Сюжеты, в сущности, на каждом шагу. Например, героя надо чем-нибудь задержать — пожалуйста: он заходит в салон итальянских костюмов... Блин! Какие тут костюмы, однако. Самому не зайти ли? Если генерал достаточно быстро даст аванс... Но автор должен быть взыскателен к себе: сюжету никакой заход не поможет. Тут надо начинать параллельную сюжетную линию, запускать свежих действующих лиц. Впрочем, нет, это тоже избито, дешево. Годится разве для детективчика хилого или для женского уж романа.

Можно сделать тоньше: обыграть прием как именно прием. На самом деле тоже туфта, секунд хэнд «от Набокова».

Настоящая проза появляется совсем иначе! Хотя непонятно, почему непременно надо писать прозу, и притом непременно настоящую. П.Р. пробовал заниматься бизнесом. Теперь вот, проедаая остатки былой прибыли, обдумывает предложение генерала. И пишет, естественно, прозу.

Организация избирательных кампаний — не то, что он любит. Правда, он пока их не организовывал ни разу, но примерно ясно, что это за дела. Выдумывать генералу экспромты, колкие обиняки для полемики с противниками, зажигательные речи для дураков-избирателей.

Мимо П.Р., стоящего на тротуаре, невероятно грациозно проходит невообразимо толстая негритянка. Огромная шоколадка в сложных кошачках. Надо же, думает он, оперев глаза в ее удаляющуюся спину, с такой задницей — и такая грациозная. Переводит взор влево и видит Мавзолей на фоне знаменитых зубцов красного кирпича. Безукоризненная все-таки постройка — этот ваш Мавзолей. Этот ваш коммунистический культовый подвал. И этот Кремль — зубчатый, безмятежный. Москва, Москва, люблю тебя, как сын, как русский...

Ну, а почему нет, собственно? Когда-то такие вещи можно было писать без иронии, просто на сильном чувстве, думает он. Мы же способны испытывать сильные чувства? На самом деле уже пора снова писать на открытой эмоции, без стеба этого надоевшего — именно так и выйдет художественно убедительно. Ну что, однако, не измерить ли костюмчик, —

тот, что колоритом напоминает цветков северных лесов, серебристый ландшафт? На случай, если поладим с генералом. А потом домой.

Туда, туда, на тихие Грузины.

Чай, хлеб, письменный стол. За дверью — бесконечная Москва гудит, светится, роится и ждет до утра.

БИЗНЕС ДЛЯ АРИСТОКРАТА

— Что это Вадик Вайцеховский давно не звонил? — спрашиваю я мужа.

И тут Вадик как раз звонит.

Начинает, как обычно, с деталями и подробностями вводить в курс своей деловой жизни.

— Работал на выставке, и вот возник один интересный контакт...

Состоянием его бизнеса никто из нас не интересуется. Не то чтобы вообще были безразличны его дела, напротив — все-таки старый приятель, однокашник мужа. Знакомы столько лет, что при собственных детях сказать страшно. При таком стаже уже не имеет никакого значения, нравятся ли люди друг другу или нет, ценят ли друг друга... Дружбы детства и юности — они почти как родственники. Не самые все-таки близкие, — типа мужа, сына, матери — за которых приходится нести ответственность, тратить силы, время, деньги. Но близкие второй очереди. Особого долга ни у кого ни перед кем нет, но из эгоистического желания сохранить собственный покой стремишься думать, что у этих дальних близких все в порядке. Поэтому и делами их интересуешься.

Как раз поэтому в кипучий и переменчивый бизнес нашего бывшего однокашника вникать не тянет. Бизнес Вадика — это... это, ну, как бы сказать-то...

В общем, звонит Вадик Вайцеховский. И после обычного получасового, далеко не темпераментного трепа своим немного гнусавым голосом объявляет, наконец, что он совсем рядом и — и что, старики, вы скажете, если я заскочу.

Мысли мои, если их можно назвать мыслями, текут строго параллельно нашему телефонному диалогу, множась, но с разговором, тем не менее, не пересекаясь. Например, я думаю о том, что почему-то красивые мужики, как правило, обладают голосами менее (или даже более) неприятного тембра, чем обычные. Услышав в трубке чарующий красавец-бас, готовьтесь при личной встрече обнаружить его обладателем лысого выродка. А также возникает в моей голове вялое соображение, что если уж имеешь претензии на следование молодежной речевой моде, то выражениям типа «старики» давно пора сделать апгрейд.

Кстати, туда же, то есть на свалку, теперь уже визуально отмечаю я, просится и пиджак Вадика, а также его когда-то (очень давно) модная сорочка.

Он раздевается в прихожей, гордо ставит на столик кейс — видимо, новый — и с сокрушенным видом заявляет:

— До чего испортились люди! Бедность, что ли, довела повальная? Но у вас практически единственный из знакомых мне домов, где я могу спокойно оставить свой кейс не запертым на замок.

Все-таки каждый раз он свеж по-новому.

Вот этих, например, песен — о непрерывных покушениях на его собственность — мы еще не слыхали.

Мне хорошо известно, зачем обычно приходит Вадик. Ну, повидаться со старыми приятелями. Но бросается в глаза (мне, по крайней мере, как женщине рациональной), что сентиментальное желание сообща прикоснуться к общему мехматовскому прошлому имеет у него определенную периодичность. Во-первых, оно каждый раз совпадает с потребностью в инвестировании его очередного проекта. Во-вторых, предварительно этот проект он долго и тщательно обсуждает с моим мужем. Хотя зачем — неясно. Ринат продолжает работать более или менее по специальности. То есть одни его работы относятся к категории «более», другие, соответственно, к «менее», но совсем безотносительными к математике делами он не занимается. Так что о закономерностях частного предпринимательства мой муж не имеет особого понятия. Помню, пару лет назад пришел домой и сообщил, что получил предложение о переходе в коммерческую структуру. Если согласится на полставки (о ставке, то есть, чтобы бросить преподавание, и речи не могло быть), то в сумме будет получать сто три тысячи. Три из них — как раз нынешняя его ставка профессора.

Объяснение могло бы быть самое простое — Вадику не с кем. Не с кем поговорить так, чтобы выслушали. Да еще и приняли его слова всерьез. Или хотя бы сделали вид, что всерьез. А Ринат обстоятельный. То есть, я не хочу употреблять определение «занудный». И он, конечно, способен выдавать дельные идеи в области бизнеса тоже, потому что он вообще способен выдавать идеи. Ринат — концептуальный. Всегда был таким.

Интересно, о чем будут они беседовать нынче? — сама себе задаю я вопрос и, разумеется, без малейшего интереса. Сама же тем временем направляюсь на кухню. Потому что у визитов Вадика есть еще и третья цель — поесть. Дело к вечеру, а обедал он вряд ли. Даже сомневаюсь, чтоб имел возможность обедать каждый день.

Сама по себе еда ему неинтересна, поскольку эта слабость — сладко покушать — не из разряда тех, в которых замешано тщеславие. Но есть ведь элементарные, не отменяемые физиологические нормы.

Никто бы не предположил, что даже питательные дела Вайцеховского временами печальны, если б не случай. Он как-то зашел к нам в один из дней (назовем их критическими), когда я была особенно не расположена к производству домашних обедов. Ринат, мой муж, такие периоды переносит спокойно и сам предпринимает изыскания в холодильнике. Таким образом, мы мирно переживаем мои хозяйственные перепады и снова плавно входим в режим относительно нормального быта.

Я бы к себе в такое время в гости сама не пошла и никому не посоветовала, а вот Вайцеховский, — но откуда ж ему знать. Впрочем, на такие мелочи, как обстоятельства и удобства окружающих, он сроду не был склонен обращать внимание.

Мы беседовали, меня потихоньку глодала совесть, что надо хотя бы чаю сделать, и тут Вадик, словно бы кстати, то есть, как это бывает, предельно неуклюже что-то ввернул насчет того, что сегодня он, признаться, не успел перекусить... Лицо у него было жалкое, таковой же получилась и вся сцена... Приятно, что ли, быть свидетелем чужого унижения? Тем более, стать его причиной. А ел он как! Чувство сильного голода, ну, той степени силы, когда еще немного — и стянешь с прилавка булку, знакомо, полагаю, каждому, кто был по-настоящему молод. Так вот это было именно оно — по всем приметам. Но стареющему (а какой он был молодым!) человеку быть настолько голодным просто неприлично. Пятидеся-

тилетний мужик должен время от времени подумывать о составлении завещания (ведь нельзя бросить на произвол судьбы объекты собственности), бодро отстегивать беспечным детям (а то, чего доброго, и внукам) так называемые бабки на то и се. Но отнюдь не метаться в потертых штанах по родному нашему мегаполису в рассуждении, у кого бы из приятелей перехватить тарелку супа, отнюдь.

Однако, — и это характерно именно для Вайцеховского, — поев и немного захмелев, поскольку они с Ринатом «для аппетита» выпили, наш студенческий приятель, тыча вилкой в салат, агрессивно заворчал:

— Что это я все овощи какие-то ем да овощи... А мясо где, я спрашиваю?

Мясо-то, допустим, стояло у него под носом, но я же не о том.

Итак, я пошла на кухню, по возможности гася собственный же внутренний голос, раздраженно посылавший в мозг сигналы того примерно содержания, что здесь не столовая, в конце концов, и кормить человека, который вместо пустого формального «спасибо» считает возможным...

Да полно, одергивала я сама себя. Что, очень нужна его благодарность? Манерам будем обучать пятидесятилетнего мужика? Кстати, его дед был академиком, светилом математической науки. Отец — уже только доктором. Вадик на наших глазах не прошел в аспирантуру, и вопрос о его академической карьере захлопнулся. Хотя пристойные манеры — исходят не от ума.

По дороге к плите я без тени нравственных колебаний заглядываю в его кейс, действительно, открытый — даже крышка откинута.

Там находится именно то, что я ожидала увидеть: два долгоиграющих кекса подозрительного качества, из тех, что не черствеют никогда, и несколько ловушек для тараканов. Не отрицаю, славная добыча для предпримчивых людей.

Причем я все понимаю правильно: кексы предназначены отнюдь не к нашему столу — это торговые образцы. Бизнес, бизнес, да-с!

Да, так каким был Вайцеховский в молодости? Красавец, отчасти волейболист, желанный гость любых застолий и любимец девушек. И себя любимец, заметим, и себя. Едва ли не в первую очередь, но по молодости было не заметно. Другие качества бросались в глаза. Рост, стройность, красивый разворот плеч, умелая небрежность костюма, превосходный английский. Физические достоинства в нем приятно сочетались с выгодами социального положения — папа-то доктор наук, не забудем. Дед-то академик. Ну, правда, академик на старости лет ушел из семьи, так что баснословная квартира в высотке на Котельнической набережной и разное прочее достались второй жене и ее детям. Но все-таки академическая бабушка, с ее связями, уровнем притязаний к жизни имела место.

Я эту бабушку ни разу в жизни не видела, но почему-то очень хорошо представляю. Есть такая порода цепких московских красавиц, чующих запахи успеха за тридцать тысяч лье под водой. В молодости они трогательно хрупки и поэтичны, темпераментно отдаются всем интеллектуальным веяниям времени, причем это их непрерывное духовное горение вовсе не мешает попутно подгрести доступные материальные ценности... Нет, материальные — это грубо. Вообще ценности, то, что престижно. Одним словом, азартно и с виду легко набирают фишки, все вроде бы идет к ним само, и никто никогда не узнает, чем эта легкость оплачена. Хотя можно не беспокоиться — оплачена, в жизни все всегда приходится, как известно, оплачивать. Одна такая лично мне известная красавица за пре-

стижний брак с инструктором без раздумий заплатила карьерой отца, крупного партийного босса. Отца поместили куда-то в тихое место, чуть ли не уpekли на пенсию, а что такое покой и тишина для человека, любящего только власть? Правда, нежная дочь переживала и, как говорят, немного выпив, начинала лить слезы и причитать:

— Что ж эти суки с папой-то сделали!

На что кто-то из наших ей однажды тихо, но резонно заметил:

— А ты разве совсем не знала, что эти суки так всегда делают в подобных случаях?

Не сомневаюсь — бабуля Вадика была из таких. Только на старости ослабила хватку, упустила академика. Тоже история старая, как мир: Вадим, когда ее рассказывал, я ни разу не вслушалась.

С возрастом такие дамы начинают делать серии пластических операций, в пятьдесят с гаком выглядят на сорок, что дает злым языкам повод утверждать, будто им уже к семидесяти. И любят, чтобы друзья детей и внуков называли их на «ты» и просто по имени, без отчества.

Вадим до сих пор не может успокоиться по поводу уплывших хором на Котельнической. Рассуждает, за сколько бы их сейчас сдавал. Не сомневаюсь, своего не упустил бы — уровень притязаний у него от бабушки. Но вот хватка уже не та. Совсем не та хватка! Приятель наш являет собой наглядное пособие, демонстрирующее наследственное ослабление жизненной силы отделив взятого рода.

В процессе приготовления обеда мое раздражение стихает. Переходит в легкое юмористическое настроение. На кухне у меня уютно, немного запущено... Солнце бьет в окно, занавеска свободно полощется на голубом сквозняке, со двора слышны детские вопли и плеск листьев. Простая такая жизнь во всех ее вариантах. Пришел человек, старый наш приятель. Какой уж есть: старых знакомых не выбирают. Обед у меня практически готов, будем считать его по случаю гостей немного парадным. Салат положу в старинную китайскую вазочку, достану цветные салфетки, имеется в холодильнике и едва начатая бутылка пристойного, пусть недорогого, вина. Простые обывательские радости. Пусть Вадюля немножко передохнет.

— Мужики, обедать идите!

Они приходят, приступают к борщу с отсутствующими лицами. Мне бы хотелось поболтать о чем-нибудь смешном или приятном, но, видимо, не тот момент. Вайцеховский, заглотив первую тарелку со скоростью хорошего пылесоса, молча протягивает мне посудину за добавкой. У него такие привычки — считать окружающих личной услугой — выработались, видимо, с младых ногтей. Ну, кушайте на здоровье!

— Этот мужик обещал купить две установки, — прерывает молчание Вадим. — Если купит даже одну, то мои проценты составят семь тысяч! А? Такие деньги надо подумать, как разместить. А, Рина?

— Ты их еще не получил, — вяло отзывается муж. — Если получишь, зубы себе вставишь. Вот и размещение. Немыслимо с такими зубами ходить наниматься на приличную работу, сразу видно, что много ты не стоишь.

— Ну, зубы... Штука, не больше. Шесть-то останется.

— Да ты их еще не получил, Вадим. И, говоря откровенно, сомневаюсь, что получишь. Ты сколько уже долбаешься с этими установками, три года? И не возник у тебя вопрос, почему еще ни разу ничего не продал?

— У предприятий нет денег.

— У кого надо, деньги есть. Просто у тебя не тот уровень связей. Что, какие-то проблемы факс отбить в Америку? Сейчас не девяностые годы. Это тогда брокеры зарабатывали бешеные бабки. А сейчас все можно найти без посредников. Зачем отстегивать семь штук тебе, если спокойно можно тебя обойти?

— Но мои посреднические услуги...

Телефон звонит, и я иду объясняться с моим первенцем Васей. Крошка задерживается на работе, потом ему еще надо заскочить к Пете за каскетами, может, пива попьют...

— Ты ж за рулем, Васька?

— А я тачку оставлю у Петьки под окнами. Все равно завтра мы с ним с утра поедем, я тебе говорил.

— Ну, так и оставайся у него. Небось, найдет Ольга Борисовна для тебя спальное место.

На кухне меня уже, как ни странно, ждут. Надо же, заметили отсутствие: может, невдомек, каким способом мясо может со сковородки попасть к ним в тарелки? Да, со вторым блюдом заминка, но не только это.

— Мне, ребята, если можно, я бы хотел у вас денег перехватить недельки на три-четыре, — затрудненно говорит Вадим.

— А сколько тебе?

— Ну ты ж меня знаешь, я мало не беру, — с еще большей натугой мнетса он.

— Ну так сколько?

Пауза. От напряжения только что не воздух трещит. Тысяча ему, что ли, понадобилась? Тысячи лишней у меня нет, да и не дала бы я Вадиму тысячу, а денег моего сына не дам тем более. Занять может каждый, а ты поработай в таком режиме, в котором работает мой сыночек! Конечно, до сих пор Вадим всегда отдавал долги исправно, но тысяча — не та сумма, которую Вайцеховский когда-либо видел в глаза. Следовательно, шансов отдать у него практически нет.

— В общем, мне нужно сто долларов, — веско проговаривает наш приятель и тревожно заглядывает в глаза Ринату, потом мне.

Как комментировал сходную ситуацию О. Генри, примерно такую сумму она вчера израсходовала на носовые платки.

Погода хорошая, и мы решаем проводить Вадика до метро. Есть хороший путь, длиннее, но частично через парк.

Завидев на трассе бывшую фотографию, которая сейчас перепрофилировалась в продуктовый магазин, спутник наших юных дней стремглав бросается туда. Пока мы с неторопливостью ничего не собирающихся купить людей разглядываем прилавки, исчезает в подсобке. Мгновенно выскакивает оттуда, преследуя бурно мчащуюся и совершенно его не слушающую даму средних лет. Дама от прически до обуви являет собой последнюю московскую моду, лицом же напоминает каюра — оно у нее монголоидного склада, усталое, волевое и, словом, такое, каким вынужден обладать человек, управляющий сворой. Свора есть свора, она тянет во все стороны, голосит, требует корма и рвется на волю. Но совершенно очевидно, что элегантная дама справляется.

В настоящий момент вдвоем с Вайцеховским они совершают нечто вроде показательного выступления фигуристов: движутся на высокой скорости и на удивление синхронно. Впрочем, заслуга здесь целиком на стороне ее партнера. Он нависает над ее плечом, непрерывно витийствуя: впаривает, ясен пень, свои кексы (если не ловушки для тараканов!).

Для меня ясна очевидно, что такой бабе он не впарит ничего, и я спокойно отправляюсь к кассе: решила пока в паузе приобрести зеленого чая. Некоторые наши приятели с возрастом помешались на здоровом образе жизни. С такими вот гражданами, не пьющими ни чая, ни кофе, а уж вина! — возникают определенные сложности при их визитах. Так что куплю, пусть будет.

Вайцеховский, кстати, от целебного напитка тоже не откажется. Он за здоровьем следит: что-то там капает себе на плешивое темя, холодную воду по какой-то системе, что ли. Или, наоборот, из ведра льет. В смысле, холодную воду.

А вот и он, наш герой-коммивояжер. Идет довольный. Неужели? Да неужели же?!

— Ну вот, договорился о поставке. Завтра и поставлю. («Поставлю»! — внутренне отмечаю я). И притом обещала наличными.

— Ну и каков объем поставки? — интересуется мой муж.

— Да штук двадцать обещала взять на пробу. Как я их только повезу?

Как он вообще возит — не понимаю. Машины у него нет и не было никогда. Хотя при социализме он неплохо зарабатывал. Благодаря семейным связям попал в соответствующую колею.

Это вот и есть бизнес Вайцеховского.

Когда, проводив Вадима, мы возвращаемся от метро, нас обгоняют две маленьких, точно литых, бульдожки, деловито и азартно по очереди катящие мяч. Они делают свою собачью работу быстро, но не спеша. Я бы сказала, профессионально.

Вообще в субкультуре этого парка никто не суетится. Мимо нас по дорожке довольно уверенно топают младенец. По наклону его туловища видно, что ходить он научился недавно, и ходьба пока что является для него непрерывным падением, хотя уже и не завершающимся после каждого шага тесным контактом с несущей поверхностью. Младенец худой и довольно высокий, удлинённых пропорций, а таких удивленных и сияющих огромных глаз я не видела просто ни у кого. Ни у кого здесь. Мальчика, полного таинственной жизни, выпасает прозаическая с виду пожилая чета.

Чинно гуляют молодые мамы с колясками. Пенсионеры на скамейках любопытно заглядывают туда, внутрь, где под кружевами и неземной белизны простынками виднеются крошечные некрасивые мордашки новорожденных.

Деревья плещут листвой в ритме сонного глубокого дыхания, а по небу аккуратно и точно идут облака, неторопливо розовея по краям — потому что скоро вечер.

— Ну и сколько можно заработать на перепродаже двадцати кексов? — вслух интересуется мой муж. — И сколько магазинов обегать, чтоб заработать на что-то, помимо еды? На штаны, например, или на туфли — они же изнашиваются от беготни?

Я смотрю на него сбоку и немного сверху, потому что мой муж чуть пониже меня ростом. Невысокий, полный (а ведь в молодости был тощий) татарин, синеглазый брюнет. А я высокая и тоже с возрастом сильно погрузневшая славянка с ярко выраженным рязанским таким генотипом, модель Некрасова и Венецианова.

— Что-то зарабатывает. Ты заметил, надеюсь, новый кейс с кодовым замком? Хотя зачем бы он ему понадобился? Представляешь, он в нем кексы свои хранит.

— Ну, это как раз понятно. Ему же хочется выглядеть крутым бизнесменом. Кроме того, он всегда любил одеться и все такое.

Да, это в Вадике всегда было. Бабушка, супруга академика, и мама, профессорская жена, очевидно, приучили к тому, что он всегда должен получать лучшее. И он честно старался. Но не всегда тянул — профессионального тренинга получил маловато.

Щука в море затем, чтоб карась не дремал. Но без обеда щука тоже не дремлет, караси же отнюдь не лезут в рот, а норовят, мерзавцы, напротив того, смыться в целости и сохранности.

Если еда всегда лежит абсолютно смиренно и неподвижно, возникает приятная, но расслабляющая привычка — спокойно подходи к ней, клади лапу, рви, глотай, потом вволю лакай вкусную воду... А потом наступает время самостоятельной охоты, и еда вдруг обнаруживает неприятную способность к убеганию, чуть ли не к сопротивлению. Царь природы голоден и не может утолить свой голод, а какие-то ослы вокруг все время жуют!

Таков, ничего не поделаешь, механизм процесса. Они стремятся к обладанию полным набором жизненных благ, а потом этот набор их убивает. Кто они? Да в общем, почти все мы.

Сто долларов возвращаются к нам неожиданно быстро.

Вадим разувается в прихожей, вынимает маленькую обувную щеточку и привычной рукой наводит блеск на свои туфли. Ринат тем временем извиняется за дезабиле, потому что чувствует себя неважно, пришлось даже сделать укол, а теперь...

— Не пойму, почему в таком случае ты дома? — надменно интересуется однокашник.

— ??

— Ну, есть же пристойные заграничные клиники! Могу порекомендовать тебе одну мне лично известную, немецкую. Две недели обойдутся примерно в тысячу восемьсот — две двести зелеными. А?

Ринат молча пожимает плечами. («Ну, что, — комментирую я про себя, — понял, насколько далек ты от жизни высших классов, шкраб несчастный?» Слово неточное, но я не знаю прозвища, которым называли бы именно вузовских преподавателей).

Вадюля в новом имидже. Но пока что в прежнем, заслуженном, пиджаке с намеком на клубность. Еще находясь в прихожей, он начинает толковать о каком-то особенно изысканном крабовом салате, о том, что теперь приходится бывать в таких местах... В местах, где приличествует есть крабовый салат?

Но сегодня у меня нет возможности вникать в волнующие подробности настоящей большой жизни — надо доделывать срочную работу.

Сначала звук их голосов мне мешает, поскольку мой кабинет, он же по совместительству супружеская спальня, расположен рядом с кухней. Я заглядываю туда спросить, нашли ли они еду и не хотят ли, если уже поели, переместиться в так называемый зал. Вадим, благодушно улыбаясь, сообщает:

— Я задаю себе вопрос — хорошо ли мне здесь, хочу ли я здесь оставаться. И чувствую, что здесь мне вполне удобно. Просто отлично! В зал — не хочу!

Ну, ясно. Задать себе вопрос, удобно ли их нахождение на кухне кому-то еще, он не в состоянии. Ринат же моего выразительного взгляда почему-то не понимает.

Ладно.

Работодатель не спросит меня, имела ли я возможность работать с удобствами, его в основном интересуют сроки и качество.

Первый абзац у меня всегда подвигается с трудом. Чаще всего его потом и вычеркиваю. Дальше идет речь об оборудовании, которое я в руках никогда не держала и знаю лишь по описаниям. А без конкретного знания деталей всегда трудно.

Да, действительно, у аппарата много возможностей. Эти фирмачи не врут в целях рекламы — подобные вещи действительно пригодятся и для рабочих совещаний, и для так называемых мозговых штурмов, и это не позволит вашим усилиям оставаться бесплодными... делает ваши усилия результативными... эффективными...

В ушах моих шумит невразумительная немецко-русская фраза, и вдруг из нее выкристаллизовывается слово, которого только сейчас еще там не было. Его-то мне и надобно.

— Реально ты не в состоянии эффективно управлять этим процессом, — слышу я вялый голос своего мужа. Уработал его Вадюля.

«Эффективно управлять процессом» — рисую на экране, запоминаю и выхожу из программы. Спасибо за подсказку, милый. Что там у них, на кухне?

— Ну, что тут у вас?

— Да мы-то все о делах говорим, — вял и Вадик.

Во входной двери скрежещет ключ. Это мой маленький мальчик пришел. Что-то он сегодня рано, а ведь рабочий день.

Затянувшаяся возня возле вешалки заставляет выглянуть в коридор, а там событие: моя крошка заявила не одна, а в сопровождении хорошенькой девицы. Добрый вечер, проходите, мама, знакомься, это Настя, очень приятно, будете ли ужинать, будем.

Ну, хорошо. Мне бы очень не хотелось выглядеть мамашей, которая ревниво присматривается к потенциальной невестке или, чего доброго, стремится завоевать ее расположение, изо всех сил демонстрируя, что, несмотря на свои годы, она вполне молода душой. Пришли и пришли, ужинаем и ужинаем. Беседуем.

Но молодость — мощный катализатор.

Присутствие Насти все-таки ломает наше привычное застолье.

Вадюля, я замечаю, начинает смеяться специфическим отрывистым смехом. Демонстрирует свой блестящий английский. Он явно возбужден. Сожалеет даже, что у нас нет гитары, старый хрен. А то бы он спел. Для Насти, надо полагать. Страхнул бы пыль с ушей, вынул из нафталина стройотрядовский репертуарчик — и спел. Старый хрен.

Бедная девочка, похоже, даже не сразу понимает, что весь этот фейерверк из-за нее. А когда до нее все-таки доходит (женщина, любая, узнает поступки, совершаемые ради нее, всегда довольно быстро), то начинает тактично подыгрывать дяде Вадику. Или он для нее уж как дед? В ее обращении с noveltyнным поклонником, хоть и безусловно любезном, сквозит прозрачайший оттенок сострадания. Сцена называется — «Разговор с ветераном». Конечно, сударь, вы еще в самой силе. Да вам хоть с самим Бонапартом биться!

Потом молодые сваливают в так называемый зал, по совместительству комнату Васи. Сваливает и Вадим. Да и правильно. Лежанка его зажда-лась, лежанка у теплой печи. А также валенки и, возможно, клизма.

Какой-то стиль поведения с собственными детьми выбирать все рав-

но приходиться. Мы выбрали умеренно либеральный. Таким образом, сейчас, после того, как сыночек, видимо, успел объяснить своей девушке, что предки не войдут — ни со стуком, ни без, молодежь, возможно, уже целуется и так далее.

— Мам, — вырастает передо мной моя чуть-чуть не дотянувшая до двух метров малютка. — Уже поздно, а проводить я не смогу. Можно, Настя у нас останется?

Я пожимаю плечами.

— Где лежит чистое белье, тебе известно. Еще какие-нибудь проблемы?

— Тогда пойдем перекурим?

— Не хочу процесс прерывать. Я уж вымою посуду, а потом покурю в одиночестве. Ступай, зайчонок, — я целую его в щеку. Здоровый парень, а щека еще сохранила детскую нежность — там, где не растет щетина. И пахнет знакомым родным запахом. Моим. Мне кажется, так же пахнет моя собственная кожа. Нет, не пахнет, а пахла. В двадцать лет у меня была изумительно гладкая, тонкая кожа. Один мехматовский шутник (сейчас он шутит свои шутки в Калифорнии) на стройотрядовских посиделках у костра подкрадывался сзади, хватал меня за щеку и вопил:

— Юфть высшего качества! Смотрите, господа, тянется как!

Когда нас с Васей забрали из роддома, и я впервые развернула дома данный мне на выходе таинственный сверток (входила-то в больничное здание без него), то обнаружила, что кожные покровы на руках и ногах моего сына покрыты какой-то корочкой, происхождение которой представлялось мне ихтиологическим.

Потом он стал повсеместно гладеньким, научился ловить свои ножки руками и засовывать в рот. Смешно торчала маленькая палочка детородного в будущем члена, крохотная ребристая мошонка выделялась на крепком тельце цвета молодой репки некоторой красноватостью и этой своей ребристостью. Ребенок был абсолютно новеньким, жизненный процесс еще не нанес ему ни малейшего изъяна.

Взрослея, он на каждом этапе прекрасно обучался пользоваться своим организмом именно в том режиме, которого требовало от него решение задач очередного возраста. Наша взаимная физиологическая расторгнутость постепенно росла, менялась и после его двадцатилетия приняла формы нежной обоюдной привязанности. Лучшего варианта разрыва единой плоти не бывает. Другое дело, как расценивать сам разрыв.

В супружеской спальне Ринат молча машет у меня перед носом сто-долларовой бумажкой.

— Вадик банк ограбил?

— Нет, у него дела пошли. Сообщил, что в этом месяце заработал пятьсот баксов. Рассчитывает в ближайшее время увеличить оборот до семисот. Завел специальную книжку, куда записывает, сколько выдано жене на хозяйство.

— Да, я тоже заметила, что у него сильно крыша поехала.

Вечеру суждено окончиться по Льву Толстому. Я, совсем как князь Болконский, становлюсь невольным свидетелем чужого ночного разговора. Когда мой сын и его девушка, Настя, выходят покурить на лоджию, я еще не сплю. А лоджия у нас на две комнаты одна.

Вадику, конечно, содержание их беседы не понравилось бы — его упоминают, во-первых, мельком, что само по себе обидно и, кроме того, уж очень сострадательно. Мой сыночек вдобавок выражает недоумение: зачем родители дружат с этим... следует смешная и довольно обидная клич-

ка, типа старик Козлодоев, что ли, не помню. Разговор быстро съезжает на другое.

Они обсуждают, идти ли завтра поесть бургеров. Смеются фразе, юмор которой для меня абсолютно непонятен. Да и смысл тоже. Потом Вася начинает требовать, точнее — стебаться, как они говорят, чтобы девочка называла его по имени-отчеству и на «вы». Поскольку он старше на полтора месяца. Шепот и сдерживаемый смех, как известно, отгоняют сон гораздо шибче, нежели нормальный разговор. Вот я и не сплю.

С удовольствием отмечаю, что у моего сына развитая, правильная, богатая речь. И, кажется, море обаяния. Сочный молодой усмешливый баритон, тягучие московские интонации, мягкое ехидство (это не в меня). Я чувствую, что сегодня ночью Василием Ринатовичем восторгается, помимо меня, как минимум еще одна особа женского пола.

Затем они, наконец, убираются с балкона и дают мне возможность уснуть, но я, разумеется, продолжаю не спать.

Этот шепот в лунную ночь достиг до очень древних пластов.

Стройотряд после второго курса. Там был и Вайцеховский. Днем он довольно явно сачковал, зато вечером у костра брал в руки гитару, и ему многое прощалось. Стройотряд без гитары — это, как бы точнее сказать... На чьем-то дне рождения мы выпили что-то много... — что ж мы пили-то тогда? Портвейн? Сухое вино? Точно не водку... А ведь вставать приходилось в пять... и Ринат, с которым у нас ничего не было и не намечалось, вдруг схватил меня на руки и под общий одобрительный вопль отволок, здоровый дурак, чуть не за километр в степь.

И там, в степи, я почему-то вдруг стала приставать, как по-татарски будет уменьшительная форма его имени. Ринатик? Ринатушка? Ведь нет? А тогда как? Риня? Он не знал.

— А как тебя по имени-отчеству?

— Ринат Чаткович.

— Какой же ты Чаткович, если ты и татарин-то липовый?

Я дико хохотала, он делал вид, что обижается. Он был самым умным на курсе. До стройотряда совсем меня не интересовал, казался занудой, у которого рассчитана вся жизнь наперед. А он оказался такой замечательный дураком.

Тогда, в степи, он настолько напористо стал ко мне приставать, и, главное, без всяких слов и фраз... «А еще отличник!» — думала я, изумленно уворачиваясь от ста его рук.

От земли волнами шло тепло, тьма вокруг была намного гуще городской, пахло тоже непривычно — чем-то, что являлось продуктом жизнедеятельности разных биологических организмов. Все-таки зрение адаптировалось и к этой степени черноты вокруг, и тогда я увидела, как блестят его глаза.

Он стал почти красивым. Быстрота и натиск его сильно красили. Но больше всего меня потрясло, какой, оказывается, нежной и даже покорной могу быть я сама, когда выключены верхние этажи...

Они снова выходят покурить. Его голоса я не слышу. Только ее — не голос, а лепет, тихий, по нежности уступающий только младенческому, и почему-то по-английски:

— Дарлинг... май дарлинг... май свит бой...

Ну натурально голубка.

— Ну ладно, и мне дай сигаретку... (Пауза — это она закуривает, оче-

видно). А ты не хотел бы вот так прожить сутки? Или двое? Чтоб только вдвоем, никуда не идти, и к нам никто не придет, только ты и я?

Мне хорошо и не понаслышке известно, к чему обычно приводят молодых людей такие разговоры.

А то, что мой муж некрасив, мне в молодости даже нравилось. Во-первых, казалось, что это еще острее выявляет его незаурядность. Во-вторых, красивый мужик — ну, к чему это вообще?

Вайцеховский появляется в нашем доме неожиданно быстро и с кучей заданий. Во-первых, я должна набрать ему на компьютере деловое письмо — отсылать его в ином виде своему американскому партнеру он полагает неприличным. Американский партнер... впрочем, это сюжет для отдельного небольшого рассказа. А во-вторых, он хочет занять сто долларов, потому что много вложил в оборот и теперь дивиденды — и так далее, во что я не вникаю. На свете есть и партнеры, и обороты, и, возможно, дивиденды. Но все это не про Вадима Вайцеховского. Я знаю его очень много лет.

Хотя он хочет ужасно, изо всех сил хочет быть так называемым новым русским.

Рукопись мне нести в издательство на следующий день, но сколько времени надо, чтобы набрать две-три странички готового текста?

Сегодня Вадик быстр и резок в движениях. Бросает мне на стол черновик и стремительно убегает покурить. Похоже, нынче мы разыгрываем этюд под названием «Большой босс и его маленькая секретарша».

Когда он отрывисто распоряжается довести до полной ясности тезисно набросанную им мысль и убывает на перекур, кажется, в третий раз, я спокойно выхожу из его файла и начинаю тупить свою рукопись. Уже ясно, что после сигареты он снова будет звонить различным приятелям, каждому по полчаса. То, что он вручил мне в качестве тезисов, является вовсе не черновиком письма, а разве что лишь самым первым приближением к черновику. С ним разбираться часа три, не меньше. Чего ради?

Через час приходит Ринат, после товарищеского ужина мы идем проводить Вадима до метро... Все как всегда.

Уходя, Вайцеховский полон надежд и планов. Занимает сто долларов, учит нас, что деньгами надо уметь управлять и правильно их вкладывать («Вы — правильно вложили, в меня... Я с процентами отдам, хочешь?») Ринат послал его подальше), собирается знакомить нас с дамой сердца...

Его женщины... Ни одна из них не была мне интересна по-настоящему. Тогда казалось, что он выбирал их по принципу: чтоб хуже себя. Но дело не в этом. Дело в том, что жизнь — это, скорее всего, марафон.

Дальше начинает происходить что-то странное. Вайцеховский исчезает с поля. Деньги он занимал чаще всего на месяц. Эта переходящая сотня была знаком устойчивости наших отношений. Но в этот, последний, раз после займа он всю зиму объявлялся только телефонными звонками, да и то все реже и реже, постепенно развоплощаясь... Даже телефонный аппарат стал реагировать на ситуацию, давая сигнал столь долгий и резкий, как если бы звонили по межгороду.

Да и слышимость почему-то каждый раз была ужасная: сплошные помехи и треск, обрывки чужих разговоров.

— Старики, — надрывался Вайцеховский сквозь вой и гул, — я так подвел вас с деньгами, но я уже выставил на продажу свой антиквариат. Я рассчитываю получить за него...

— ...Котик, твоя Соня вылетает из Сызрана в среду. Ты слышишь? Да что это за мудака вклинулся? Мужчина, положи трубку! — хрипела эта самая трубка мне в ухо.

Я в бессильной злобе бросала ее на рычаг и шла приставать к мужу:

— Что происходит? Ты бы сказал ему, чтоб он плюнул на эти деньги, отдаст когда сможет.

Перед Новым годом состоялся единственный относительно спокойный разговор, когда мы имели возможность нормально слышать друг друга. Я пригласила его зайти с кем он хочет, выпить шампанского. Ты же собирался нас познакомиться со своей дамой, помнишь?

Он мялся, что-то, по обыкновению, нудил, потом сказал:

— Да ты понимаешь, какая история. Познакомился я с человеком, и человек — явно мой. Хороший, чистый, искренний человек. (Он почему-то все время употреблял именно эту форму — «человек», «человечек». Что хотел этим сказать?) Да-а... Встретились мы, поняли друг друга, полюбили... Да-а... И тут она вышла замуж (возможно, фраза звучала как «Человек вышел замуж», точно не помню). Ошибся человек, это ясно, но пока вот так. Но надежды не теряю...

Потом были еще два-три совсем невнятных звонка, и нас окончательно разъединило огромное пространство Москвы, постоянно оборачивающееся временем.

Эта зима почему-то слишком рано, задолго до наступления мучительного марта, стала выбивать меня из колеи. К обычной бессонной сигарете пришлось прибавить еще целых две. Рассматривая собственную руку, держащую сигарету, я видела изработанные вены стареющего человека. Маленькая широкая кисть с набегающим на нее полным запястьем, сухая, шелушащаяся от бесконечного соприкосновения с водой кожа, графика морщин, вросшее в плоть массивное золотое обручальное кольцо.

Утром во рту стал появляться привкус, знакомый лишь заядлым курильщикам, а также другие симптомы, но я не связывала ухудшение своего состояния с кем-то конкретно. Тем более и у сына, и у мужа дела шли нормально, чтоб не сказать хорошо.

Сначала мне казалось, что я вдруг без видимых причин стала как-то больше суеиться и придавать значение житейским подробностям. Потом проанализировала все детали более строго и возмутилась: кажется, меня мучает чувство вины. Спрашивается, какой и за что? А вот, видите ли, на голос, обозвавший Вайцеховского популярным словом, не надо было тогда реагировать внутренним (пусть только внутренним) согласием.

Да почему ж не надо, если Вадик и впрямь чудаковат? Известное определение на букву «м» и прежде приходило мне в голову, и отнюдь не с чужой подачи. Да и далеко не раз...

Даже говорить об этом нечего. Нет ничего плохого в простой констатации факта. Этак в стремлении к нравственному совершенству скоро нельзя будет заметить, что у человека, допустим, немного гнусавый голос или небольшая плешь. Тембр голоса, плотность волосяного покрова — это ведь данности, ничего больше. Точно такими же данностями являются и прочие наши психофизические особенности.

Нет, диагноз, поставленный мной нашему другу юности, точен и обсуждению не подлежит. Просто все дело в том, что Вайцеховский пропал и своим зиянием нарушил устоявшийся режим нашей жизни. А для человека в моем возрасте важна стабильность.

Вадюся, где ты?

Ледяной март рождает во мне твердую уверенность: лета нет и не бывает вообще. На небе, сером, будто халат уборщицы, даже реактивный самолет оставляет безысходно серый след.

Идти мне недалеко, примерно две остановки, но над маршрутом среди льда и грязи приходится думать и думать.

Ветер влажен и сыр так, что его почти можно выжать. Жизни радуются только птицы, что-то щебечут такое, свое. Пешеходная дорожка являет собой льдину, для неотвратимости скольжения чуть прикрытую водой. А рядом — беспросветная грязная хлябь, глубиной, судя по виду, этак до колена. Я выхожу из потока внутреннего бормотания и секунду размышляю: врюхаться ли в трясину или рискнуть потенциальным сотрясением мозга, не то переломом чего-нибудь?

В свой же собственный адрес пожимаю плечами и тихонечко продвигаюсь вперед. Ничего, есть ведь и еще какой-нибудь путь достижения надежной поверхности. Этот альтернативный способ мы сейчас поищем.

Впереди голое, серое весеннее дерево. На нем ярко зеленеет спил, густо замазанный масляной краской.

